

**СЛАБЕЙШИЙ
УКРОТИТЕЛЬ
ПОЛУЧАЕТ
ВСЕХ ССС
ДРАКОНОВ**

Dagzo
Слабейший укротитель
получает всех ССС драконов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74061917
0101

Содержание

Глава 1: Укротитель зверей Рен Патиндер (5-й Е)	4
Глава 2: Укрощение неудачи (5-е изд.)	12
Глава 3: Укрощение грусти (5-е изд.)	19
Глава 4: Укрощение Хоуп (5-е изд.)	26
Глава 5: Укрощение решения (5-е изд.)	33
Глава 6: Укрощение первого путешествия (5-я Э)	39
Глава 7: Укрощение опасности (5-е изд.)	47
Глава 8: Укрощение туннелей (5-е изд.)	54
Глава 9: Укрощение Богомола (5-й Е)	60
Глава 10: Укрощение судьбы (5-я Э)	66
Глава 11: Укрощение пути домой (5-й Э)	72
Глава 12: Укрощение благодарности (5-е изд.)	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Слабейший укротитель получает всех ССС драконов

Глава 1: Укротитель зверей Рен Патиндер (5-й Е)

Сегодня был их десятый день рождения. Сегодня удача решит их судьбу в столь нежном возрасте... Их жизненные устремления зависели от этого самого момента.

Сегодня им предстояло заключить контракт со своим зверем.

Мастер Церемонии стоял у алтаря, его могучая фигура внушительно смотрелась в свете храма.

Его зверь, Мраморный Дух Брони, эволюционировавший до Серебряного Ранга 2-го уровня, пульсировал едва заметным серебристым свечением. Зверь достиг зрелости после получения 5-го ранга – достижение, с которым немногие могли сравниться, и уж тем более превзойти.

Он ударил посохом о пол, и звук эхом разнёсся по древним залам.

«Церемония Десяти Лет начинается. Звери заберут ману,

отравляющую ваши юные тела, и спасут вас», – возвестил он голосом, полным вековых традиций.

«Помните, ранг вашего зверя определяет ваше место в нашем обществе. Железо для рабов, Бронза для рабочих, Серебро для избранных».

Он не упомянул о высших рангах. В этом не было нужды.
7-й ранг, Золото 1.

Во всём городе лишь пять семей владели зверями Золотого Ранга, а единственным ныне живущим человеком с существом Платинового Ранга был сам король.

Единственный, у кого был зверь 10-го ранга.

Нажмите здесь: (Визуальная сцена в комментарии автора)

На алтаре лежало красное яйцо.

Мальчик, положивший его туда, встал в центр круга.

Яйцо треснуло.

Оно начало светиться, а затем...

«Алая Саламандра!» – объявление Мастера Церемонии пронеслось по храму, когда красное яйцо Рона Блэкфайра вспыхнуло пламенем. Из пепла появилось алое существо с чешуёй, сияющей, словно живые угли.

Шёпот изумления сменился радостными возгласами, когда крошечная саламандра открыла пасть и выплюнула идеальную сферу огня, что заплясала над протянутой ладонью Рона.

Зверь Железного Ранга в его простейшей форме... но с

огромным потенциалом.

Он мог не только с лёгкостью дорасти до Бронзового Ранга, но при правильной культивации – достичь даже Серебряного.

Такое существо, при должных вложениях, могло превратить простого ученика в того, кому суждена жизнь в достатке и привилегиях.

Улыбка Рона стала шире, он уже предвкушал своё будущее среди элиты. С техниками культивации его знатной семьи его саламандра несомненно достигнет Серебряного Ранга, гарантируя ему место в высшем среднем классе.

Даже сейчас, только вылупившись, она даровала ему великую Силу и Сродство к Стихии, позволяющее создавать огненные шары, по крайней мере, пока выдерживали его жи-
лы маны.

«Следующий!» – объявил Мастер Церемонии.

На миг сердце Рена перестало биться.

Настала его очередь.

Металлический привкус страха наполнил рот Рена, когда он уставился на своё серое яйцо на каменном алтаре.

Вокруг него в руках других детей светились десятки яиц, сулящих лучшее будущее: насыщенно-синие, ярко-зелёные, интенсивно-красные. Большинство из них гарантировали зверя как минимум Бронзового Ранга по достижении зрелости, а самые дорогие сулили существ с потенциалом эволюции до Серебряного уровня 3.

Только его яйцо было серым.

Серое яйцо едва пульсировало в дрожащих руках Рена. Жалкое сердцебиение, такое слабое, что ему приходилось задерживать дыхание, чтобы его почувствовать.

Сегодня это жалкое яйцо, самое дешёвое из всех, определит его судьбу...

Решит его место в мире.

Всё, что смогли достать для него родители, продав последнее ценное имущество, – это серое яйцо.

Не белое. Не чёрное. Даже не коричневое. Серое.

Цвет неудачи.

Смех и поздравления в адрес Рона всё ещё эхом отдавались в храме, когда Рен подошёл к алтарю. Его серое яйцо теперь казалось ещё меньше после великолепного явления Алой Саламандры.

Рен в тысячный раз мысленно перебирал свои шансы, цепляясь за надежду.

Был 5 %-й шанс получить Лягушку Тёмного Болота. Она не была бы так впечатляюща, как огненная саламандра, но с правильной техникой культивации лягушка могла достичь высшего Бронзового Ранга, «зрелая» Болотная Лягушка Бронзового уровня 2.

Но он знал, что это было бы слишком; вероятность была слишком мала... Он уже смирился.

Рену достанется Слабое Растение.

И всё же даже Слабое Растение с его почти 95 %-й веро-

ятностью не было бы концом света.

Зверь Железного Ранга, который при хорошей культивации мог достичь низшего Бронзового Ранга, а если с помощью тайной техники избежать зрелости, некоторым удавалось довести его даже до Бронзового уровня 2.

Это будет нелегко, ему придётся вложить каждую заработанную монету, чтобы купить тайную технику культивации, работать вдвое усерднее других, но в конце концов он хотя бы сможет честно зарабатывать на жизнь.

Это означало бы достойную жизнь, шанс отплатить родителям хотя бы за малую часть того, чем они пожертвовали ради него.

Но у яйца было три варианта.

Люди называли его яйцом неудачника не потому, что из него обычно появлялось заурадное растение... Его так прозвали из-за тех, кому не посчастливилось вытянуть третий вариант.

Первый вариант: растение заурадных бедняков, вероятность 94,99 %.

Второй вариант: лягушка удачливых бедняков, вероятность 5 %.

И была ещё та крошечная, ужасающая вероятность в 0,01 %: спора.

Спора невезучих бедняков.

Самое слабое существо из когда-либо зарегистрированных, неспособное даже полностью созреть в пределах Же-

лезного Ранга.

В других яйцах наименьшая вероятность, те самые 0,01 %, тот самый шанс 1 на 10 000, означала великолепное существо с Серебряным или Золотым потенциалом.

В этом же яйце – это был ад.

Практически смертный приговор в мире, где сила решала всё.

«Смотрите, яйцо неудачника!» – насмешливый голос Кляйна Голдкреста рассёк воздух, словно кнут. «Спорю, из него даже приличная лягушка не вылупится!»

Все дети рассмеялись.

Рен не отрывал взгляда от своего яйца. Он не доставит им удовольствия увидеть, как он обеспокоен.

«Тихо!» – голос Мастера Церемонии прогремел под древними каменными сводами. «Помните, это самое священное событие в вашей жизни. Момент, когда вы перестаете быть просто детьми и становитесь укротителями».

Рен закрыл глаза, пытаясь не обращать внимания на жалостливые взгляды, хихиканье и сдержанный смех. Его серое яйцо лежало на алтаре, словно насмешка судьбы, его слабый пульс был едва ощутим под его дрожащими пальцами.

Сын Патиндера. Мальчик с серым яйцом.

Солнце пробилось сквозь витражи храма, и его яйцо начало светиться.

Или, по крайней мере, Рену хотелось бы так сказать.

Его яйцо испускало лишь тусклое свечение, такое слабое,

что несколькими детям пришлось прищуриться, чтобы убедиться, что оно вообще светится.

Пожалуйста, молил он про себя, только не спора.

Яйцо треснуло.

Оно не взорвалось пламенем, как у Рона. Не раскрылось лепестками света, как утреннее синее яйцо, из которого появилась Водная Ундина.

Оно просто... треснуло.

Сухой, жалкий звук, словно сломалась веточка.

И из трещины появилось...

Маленькое облачко серых спор.

Смех начался ещё до того, как существо полностью материализовалось.

Спора.

Самый слабый зверь за всю историю призывов. Существо настолько ничтожное, что оно даже не считалось полноценным монстром Железного Ранга.

«Тихо! – приказал Мастер Церемонии, но изо всех сил старался скрыть своё веселье. – Рен Патиндер, протяни руку и впервые прими своего спутника в своё тело... Он исцелит избыток маны в твоём теле».

Облачко спор лениво поплыло к протянутой ладони Рена. Оно ничего не весило. Не излучало тепла. Не было и намёка на мистическую связь, которая должна была образоваться между зверем и укротителем.

Оно просто... парило там. Серое. Бесполезное.

«Те самые 0,01 %», – прошептал кто-то в толпе. «Ему и вправду выпали те самые 0,01 процента».

Рен шёл с высоко поднятой головой, сходя с алтаря. Его родители продали всё ради этого момента. Они работали в две смены.

Он не доставит этим соплякам удовольствия видеть его слёзы.

Глава 2: Укрощение неудачи (5-е изд.)

Контрактная связь Рена установилась со вспышкой, такой слабой, что она едва осветила его запястье.

Теперь его зверь даровал ему 10 % прибавку к Силе. И это всё.

Для такого тощего мальчишки, как он, это означало разве что возможность унести ещё одно маленькое ведро с водой или продержаться в поле на несколько минут дольше.

Другие дети получили способность управлять магией или стихиями, огромные прибавки к Скорости, Интеллекту, Манае, Восприятию, к атакующим атрибутам или выносливости, и даже целительские способности.

Каждое существо, от самого обычного до редчайшего, даровало своему призывателю определённый процент своей силы и получало взамен пропорциональные бонусы. Это был неотъемлемый закон контракта.

Рон Блэкфайр зарычал, когда на его руках проступила багровая чешуя, а ногти затвердели, превратившись в красноватые когти. Его клыки удлинились, став острыми, и в зрачках появился золотой блеск.

Саламандра не просто даровала ему дополнительные 40 % силы и контроль над своим огнём. С каждым Рангом эволю-

ции она будет увеличивать его Силу ещё на 40 %, в то время как его Защита, Скорость и все остальные характеристики будут расти на 20 %. Всё его тело адаптировалось.

К тому времени, как саламандра достигнет Серебряного Ранга 2, Рон будет обладать тройной силой обычного человека – прибавка в 200 %, 100 % ко всем остальным характеристикам, плюс увеличенный урон от стихии Огня и сопротивление ей. Стандартное усиление от зверя второго уровня.

Даже простое растение, зверь 1-го уровня, которого надеялся получить Рен, обеспечило бы 30 % прибавку к Жизненной силе в качестве основного эффекта, плюс 10 % ко всем характеристикам, которые при должной культивации могли бы достичь 30 % или 40 %.

Но спора...

– Жалкое зрелище, – прошептал кто-то в толпе. – Это единственный известный зверь, который не даёт никакой базовой силы. Только эта несчастная 10 % прибавка к Силе.

Рен оставался на месте, обязанный по протоколу наблюдать за остальной частью церемонии. Каждый новый призыв был ещё одним напоминанием о его провале.

Ветряной Орел, усиливший рефлексы своего мастера. Земляной Медведь, удвоивший Физическую Защиту. Мистический Лис, улучшивший Восприятие и Интеллект.

А затем на алтарь взошла последняя призывательница.

Луна Звездоткачка. Её синие волосы мягкими волнами обрамляли лицо и ниспадали на плечи, пока она клала своё

чёрное яйцо на пьедестал.

Одно из самых дорогих.

Весь храм затаил дыхание.

Трещина, появившаяся на яйце, была подобна молнии в ночи. Изнутри показался Теневой Волк, зверь 3-го уровня, чьи глаза сияли силой.

Аура, окутавшая Луну, была почти ослепительной: многократно возросшая Скорость, обострённые чувства и дар управления несколькими видами стихийной магии – сила, открывающаяся по мере эволюции её зверя.

С таким существом были возможны прибавки в 350 % или 500 %.

– Зверь с Золотым потенциалом! – Голос Мастера Церемонии был полон энтузиазма. – Невероятно! Вероятность меньше 1 % даже для высококачественного чёрного яйца.

Рен смотрел, как волк склонился перед Луной, скрепляя контракт, который возвысит её почти над всеми в городе.

Нажмите здесь: [◆◆◆◆](#) (Визуальная сцена в комментарии автора)

По всему храму начали проявляться изменения.

Почти каждый ребёнок с радостью принимал их. Это был момент, которого они ждали всю свою жизнь.

Слабость, которую они чувствовали всю жизнь из-за отравления маной, сменилась ощущением эйфории и силы.

У мальчика с орлом на коже появились серебряные узоры, а взгляд стал острее. Девочка с лисом почувствовала, как

обострились её чувства, а на щеках проступили красноватые метки.

Каждая трансформация была уникальной, могущественной, символом их нового статуса.

Почти все, кроме Рена...

Его спора станет символом того, что его статус теперь – самый низкий.

«По крайней мере, – с горькой иронией подумал он, – хуже уже быть не может».

Он и не подозревал, как сильно ошибается.

Затем настала его очередь трансформироваться.

Спора просто... растворилась. Она впиталась в его кожу без малейшего зрелища, и на мгновение ничего не произошло.

Затем на его голове, среди волос, начали прорастать маленькие светящиеся грибы, похожие на крошечные сияющие поганки.

Тут же раздался смех.

– Смотрите! Он гниёт!

– Эй, Патиндер! Это у тебя на голове грибы или маленькие чле...

– Тишина! – Мастер Церемонии попытался вмешаться, но насмешки продолжались.

– Осторожно, это заразно!

– Не подходите близко, а то у вас тоже грибы вырастут!

Не сумев заставить детей замолчать, Мастер Церемонии

прокашлялся, пытаясь сохранить достоинство момента. – Спора... э-э... со временем может созреть. Она способна достичь пятидесяти сантиметров в высоту и даровать 20 % прибавку к Силе.

Снова смех. Все знали, что заставить спору созреть было почти невозможно.

Затраты ресурсов и времени были бы астрономическими, и всё это ради результата, которого любой обычный зверь достигал в первый же день.

Некоторые дети, проходя мимо него, даже делали вид, что чихают, и строили испуганные гримасы, будто он мог их заразить.

Каждая успешная трансформация вокруг лишь делала его положение ещё более жалким. Пока другие получали когти, мистические знаки и изменения, кричащие о силе, он обзавёлся... «неприятными украшениями» для волос.

Луна трансформировалась последней.

Контракт с Теневым Волком покрыл её кожу изящными чёрными узорами, которые, казалось, танцевали вместе с тенями. Её глаза приобрели сверхъестественный блеск, а синие волосы пошли рябью, словно погружённые в воду.

Исходящая от неё аура силы была почти осязаемой: 50 % к Скорости и Восприятию, плюс 30 % прибавка ко всем остальным способностям, а также дар Стихийной Магии на более высоких Рангах.

Грибы на голове Рена слабо мерцали, словно даже им бы-

ло стыдно.

– Через неделю, – объявил Мастер Церемонии, – вы начнёте своё формальное обучение. За вами придут кареты, чтобы отвезти в школу, как оговорено в контракте, где вы останетесь до совершеннолетия, то есть на 8 лет. После этого у вас будет короткий отдых перед началом военной службы.

Он сделал паузу.

– Держите своих зверей в слиянии. Это проявление уважения к священной связи, которую вы сегодня создали.

Церемония закончилась.

Рен дождался, пока не вышел из храма.

Подальше от насмешливых взглядов, шёпота и даже плохо скрытой жалости Мастера Церемонии.

Лишь тогда он закрыл глаза и изгнал спору из своего тела. Светящиеся грибы исчезли из его волос, и маленькая серая масса вновь зависла у его плеча.

«К чёрту уважение. К чёрту традиции».

Тридцать лет работы его родителей, они продали свой дом, сэкономили более миллиона кристаллов, ведя скромную жизнь, и всё это... чтобы он разрушил всё своей неудачей.

Садясь в карету, он даже не заметил, как прошли пять часов, пока он не прибыл на «ближайшую» остановку возле бывшего дома его родителей.

Но последние два часа пешего пути домой никогда не ка-

зались такими долгими.

Каждый шаг был напоминанием о том, кем он не смог стать, о надеждах, которые испарились вместе с этим жалким серым свечением.

Спора безмолвно плыла рядом с ним, едва различимая в вечернем свете. Его новый спутник. Его символ провала. Его судьба.

Глава 3: Укрощение грусти (5-е изд.)

Мощёные улицы центра города постепенно сменились грунтовыми дорогами.

Изящные здания сменялись всё более скромными домами, пока он не добрался до окраины, где стояла его маленькая хижина, покосившаяся и обветшавшая от времени.

Теперь его бедным родителям приходилось арендовать то, что когда-то было их собственностью.

Он остановился у двери.

От аромата, просачивающегося сквозь щели в двери, желудок Рена предательски заурчал. Его родители были талантливыми поварами; именно это позволяло им держаться на плаву все эти годы.

Несмотря на их низкий ранг.

Со своими зрелыми растениями Железного Ранга, самого низкого из возможных, им невероятно повезло работать на самых скромных кухнях города... Конечно, владелец был отличным человеком, раз не дискриминировал их, но и их мастерство было неоспоримо.

Вот настоящая причина, по которой их туда приняли.

Запах рагу из сладкого корня, любимого блюда Рена, смешивался с ароматом свежееиспечённого хлеба.

Он стоял, держа руку на дверной ручке, а рядом с ним жалко парила спора.

Сквозь окно он видел, как его мать, благодаря многолетнему опыту, проворно двигалась по кухне, а отец украшал стол тремя последними свечами, что у них остались.

Они приготовили праздничный пир из того немногого, что у них было.

Когда он наконец толкнул дверь, ком в горле стал таким большим, что он едва мог дышать.

– Рен! – его мать обернулась чуть раньше отца.

Они оба посмотрели на маленькую серую спору, и Рен увидел тот самый миг, когда надежда угасла в их глазах.

И всё же его мать вытерла руки о фартук и раскрыла объятия. – Мой маленький укротитель...

Слёзы, которые Рен сдерживал часами, наконец хлынули из глаз.

– Простите, – прошептал он, входя, его голос срывался. – Мне так жаль. Простите, простите...

– О, дитя моё, – его мать заключила его в объятия. – Это не твоя вина. И никогда не будет твоей виной.

– Вы всё потратили... всё продали... а я...

Его отец подошёл, его шаги были тяжёлыми от усталости после целого дня на кухнях. Он опустился на колени перед Реном, положив свои большие руки на маленькие плечи мальчика.

– Сын, посмотри на меня.

Рен поднял затуманенный слезами взгляд.

– Помнишь, как в прошлом году я сжёг целую партию хлеба?

Рен растерянно кивнул.

– А помнишь, что мы сделали?

– Мы... мы нарезали его на кубики и сделали сухарики.

– Точно, – улыбнулся отец. – Иногда жизнь даёт не то, чего ты ждёшь, но это не значит, что ты не можешь сделать что-то хорошее из того, что у тебя есть.

– Но я... спора...

– Теперь она – часть тебя, – добавила его мать. – А мы любим каждую твою частичку.

– Эй, – хриплым голосом произнёс отец, присоединяясь к объятиям. – Ты наш сын. Неважно, спора у тебя или дракон...

Но это имело значение. Конечно, имело.

Столовая была маленькой, но наполненной любовью и ароматом лучшей стряпни на окраине...

Но как он ни старался, он не мог насладиться этим.

Его родители приготовили всё, что могли, в их новом положении: рагу из сладкого корня, свежеиспечённый хлеб, им даже удалось достать немного диких ягод на десерт.

Три свечи освещали стол тёплым светом, так не похожим на серое сияние споры.

– Поешь немного, дорогой, – его мать наложила щедрую

порцию. — У тебя был очень долгий день.

— Я... я не голоден.

— Всего один кусочек, — настоял отец. — Твоя мама готовила часами.

Но даже сладкий аромат его любимого блюда не смог пересилить горечь разочарования. Когда слёзы вновь подступили к глазам, Рен поднялся из-за стола.

— Простите, — прошептал он, прежде чем убежать в свою комнату. Спора последовала за ним, словно серая тень вины.

— Рен! — позвала мать. — Возьми хотя бы хлеба!

Но единственным ответом был звук захлопнувшейся двери.

В столовой продолжали гореть три свечи, освещая стол, полный еды, приготовленной с любовью и надеждой. Его родители, убитые горем, обменялись взглядами; на их усталых лицах читалась глубокая тревога...

Попытки, предпринятые ближе к вечеру, тоже не принесли плодов.

— Я не голоден, — крикнул он, когда мать постучала в дверь с подносом еды.

В темноте своей комнаты мальчик наблюдал за слабым мерцанием своего жалкого спутника.

Одна неделя.

Через неделю ему придётся столкнуться со школой, насмешками, презрением.

Одна неделя, чтобы принять, что его жизнь будет именно

такой, какой все и ожидали от обладателя худшего из возможных зверей.

Серая жизнь.

В маленькой столовой свечи освещали измученные лица двух людей, которые только что видели, как их последние надежды превратились в серые споры. А на столе лежал контракт со школой.

Это было обязательно... После подписания он должен был посещать Школу Культивации и Эволюции в течение восьми лет.

Там он научится усиливать своего зверя, развивать его способности и станет настоящим укротителем. В одной из лучших школ, если не в самой лучшей.

Или такова была идея, но...

– Шестьдесят лет, – пробормотал отец. Им обоим было уже по 60.

Мана их зрелых растений Железного ранга едва светилась в глазах и проявлялась листьями и лозами в волосах – результат долгой и ограниченной культивации.

Их руки, загрубевшие от десятилетий работы на кухнях, дрожали. – Мы всё продали ради этого. Всё.

Его пальцы скользнули по документу, который они подписали в прошлом году.

Тот, что стоил им более полутора миллионов кристаллов. Тот, ради которого они работали всю свою жизнь.

В молодости у них не было средств, чтобы купить секретные техники, необходимые для эволюции их зверей за пределы базового состояния. Они хотели для своего сына чего-то иного.

У них было простое увеличение Жизненной силы на 60 % и +20 % ко всем атрибутам, полученное за счёт созревания, а не повышения ранга, вот и всё... но их звери, будучи зрелыми растениями, позволяли им притворяться, будто у них Бронзовый Ранг 1. Этого «статуса» едва хватало, чтобы сохранить работу на третьесортной кухне на окраине города.

К счастью, бонус к Жизненной силе позволял им выглядеть и чувствовать себя моложе, словно паре сорокалетних.

Однако сегодня ничто в их жизни не казалось «удачей».

– Мы всё продали ради этого, – прошептала мать, роняя слёзы на свой поношенный фартук. – Всё, чтобы у него был настоящий шанс попасть в хорошую школу. Чтобы его зверь мог дорасти хотя бы до Бронзы, эволюционировать, дать ему жизнь лучше нашей.

Школа была дорогой не просто так.

Восемь лет обучения, доступ к некоторым техникам культивации, ресурсы для эволюции, связи – всё необходимое, чтобы превратить почти любого зверя в нечто большее.

Они мечтали о чём-то лучшем для Рена. О Ранге, который позволил бы ему ходить по главным улицам, не опуская головы.

С обычным растением у Рена был бы шанс достичь 2-го

Бронзового Ранга, улучшить свою Жизненную силу до 120 % по достижении зрелости и все базовые прибавки до 40 %, может быть, даже получить работу на хороших кухнях города, учась у своих родителей.

Но со спорой...

– Он не может теперь отступить, – мать вцепилась в контракт дрожащими руками, беззвучные слёзы текли по её щекам. – Платёж внесён, и законы ясны: каждый контракт должен быть исполнен, и каждый ребёнок со зверем обязан завершить базовое образование, с тех пор как этот закон приняли двадцать лет назад.

– Если бы только я не заболел, нам бы хватило... Я был так близок к покупке коричневого яйца... Но это проклятое дорогое лекарство, мне следовало ум...

– Не говори так! Это не твоя вина. Рен бы этого не захотел, – укорила мать. – Кроме того, выбирать лучшую и самую дорогую школу было слишком жадно с нашей стороны.

– Что же мы наделали...

Глава 4: Укрощение Хоуп (5-е изд.)

Они мечтали для Рена о чём-то лучшем.

Но со спорой...

– Восемь лет, – отец осел в кресле. – Восемь лет смотреть, как другие развивают своих зверей, пока он... пока наше глупое вложение лишает его надежды на...

Ему не нужно было заканчивать фразу. Спора не могла повисить свой Ранг.

Не было методов культивации, которые можно было изучать, путей совершенствования, которые можно было исследовать, или тайных техник, которые можно было купить.

Многие уже пытались.

Люди побогаче, с куда большей поддержкой.

Единственный, кому это удалось...

Был заклеймён как величайший неудачник. Целое состояние, потраченное на почти бесполезный прирост – двадцать процентов к Силе.

С того дня спора стала общепринятым символом неудачи.

Рен проведёт восемь лет, изучая многое, что никогда не сможет применить, а окружающая обстановка будет постоянным напоминанием о том, чего он не в силах достичь.

Восемь лет насмешек, в роли школьного посмешища.

Восемь лет, потраченных впустую, потому что чему он мог научиться в области культивации и развития с суще-

ством, которое даже не способно эволюционировать?

Печаль заставила отца предаться воспоминаниям о прошлом, том прошлом, что озарил своим появлением Рен...

– Помнишь тот день? – внезапно спросил он, устремив взгляд в пламя свечи.

– Тот год, когда я не смог найти лекарство с маной, которое требовало королевство в качестве налога... помнишь? Его запасы иссякли из-за сильного заражения маной от орды того года, и мне пришлось отправиться на поиски травы-противоядия от отравления маной, и я также нашёл то растение, которое ты съела... Мы думали, что получили благословение.

Она кивнула, взяв его за руку.

Разве она могла забыть?

Они пытались завести ребёнка с двадцати лет.

Почти три десятилетия разбитых надежд, пока они смотрели, как их друзья создают семьи, а сами оставались одни.

Они вели скромную жизнь, собирая все свои средства, чтобы создать счастливую семью, но их интересовало лишь то единственное, чего они не могли получить, сколько бы ни накопили.

Почти миллион – невероятная сумма для граждан их ранга.

Они подумывали потратить деньги, чтобы «вылечить» своё бесплодие, но были уже так стары... Они сдались.

Но та поездка в Бронзовое Кольцо...

– Растение, которое я нашёл в той пещере, приняв его за тот высококачественный столетний сладкий корень... – продолжил он. – Когда ты съела его, я подумал... я подумал, что убил тебя. Ты была такой бледной, такой холодной...

– А неделю спустя я почувствовала себя снова двадцатилетней, – улыбнулась она, предаваясь воспоминаниям. – И на следующий год у нас всё получилось, без планирования, без лечения от бесплодия и трав, мы даже не пытались...

– Наше чудо.

Они замолчали, прислушиваясь к приглушённым рыданиям, доносившимся из комнаты Рена.

Их маленькое чудо, ребёнок, подаривший им столько жизни и счастья, когда они уже почти потеряли надежду, теперь столкнулся с жестокой судьбой.

– словно боги-Драконы насмеются над нами, – прошептала она. – Они дали нам ребёнка, когда мы были уже стары, только для того, чтобы...

– ...смотреть, как он страдает, – закончил он, сжимая её руку.

Почти догоревшие свечи продолжали гореть, их пламя отражалось на лежащем на столе школьном контракте.

В соседней комнате их десятилетний сын беззвучно плакал, а рядом с его подушкой парила маленькая серая спора – невольное и жуткое напоминание о его судьбе.

Приготовленный с такой любовью праздничный ужин медленно остывал на столе, нетронутый, пока двое пожилых

родителей оплакивали жестокий поворот, который приняло чудо их жизни.

Рен лежал на кровати, слёзы высыхали на его щеках, а на смену печали постепенно приходила ярость.

Спора парила рядом, и её слабое серое свечение лишь сильнее разжигало в нём ярость.

«Идти в школу вот так?»

Это была жестокая шутка.

Он уже видел, как следующие восемь лет разворачиваются перед ним, словно бесконечный кошмар. Пока другие дети будут учиться развивать своих зверей, пробуждать новые силы, он будет сидеть там, с существом, которое не может даже нормально развиваться...

«Может, лучше сделать то, что сделали некоторые другие несчастные „гниющие“ и...»

– Нет!

Он не мог. Он любил своих родителей, и они тоже слишком сильно его любили.

Ему нужно было найти что-то, чтобы отвлечься.

Он повернулся к маленькой книжной полке у кровати, где хранил свою любимую, зачитанную до дыр книгу: «Второй Контракт Странствующего Короля».

Его пальцы провели по истёртой обложке, обводя изображение легендарного воина, совершившего невозможное.

Согласно истории, герой нашёл в глубине леса мистиче-

ское лекарство, которое позволило ему заключить второй контракт со зверем.

Конечно, это была всего лишь сказка. За всю письменную историю лишь нынешний Король и дюжина легендарных воинов сумели заключить контракт со вторым существом.

И никто из них не собирался раскрывать этот способ простым людям.

Но Рен был ещё ребёнком, всё ещё наивным.

Он посмотрел в окно на тёмный лес, раскинувшийся за окраинами.

«Лекарство из истории... А что, если?..»

Но мысль умерла так же быстро, как и родилась.

Его отец со своим зрелым растением Железного Ранга вернулся полумёртвым в тот единственный раз, когда рискнул туда отправиться.

А ведь у него были реальные преимущества: великолепный прирост в 60 % к Жизненной силе, сила и скорость взрослого человека, увеличенные на 20 %, а также все остальные его атрибуты, скромный контроль над растениями, позволявший ему обнаруживать опасности и защищаться от некоторых монстров, плюс годы опыта.

А что было у Рена?

Бесполезная спора и жалкий десятипроцентный прирост к его детской силе.

Он не мог даже поднять тяжёлые шестидесятикилограммовые мешки с мукой на кухне, как он собирался выжить в

лесу, полном монстров?

Спора слабо замерцала, словно чувствуя его отчаяние.

– Почему именно ты? – горько прошептал он существу. – При таких низких шансах... почему это должна была быть именно ты?

Ответом ему была лишь тишина.

Он слышал, как в столовой тихо переговариваются его родители, их голоса были полны горя и тревоги. Он больше не мог этого выносить. Он не мог быть причиной их боли, жалким финалом всех их надежд и жертв.

Но и изменить он ничего не мог.

Раз заключённый контракт – это на всю жизнь. Спора останется его спутницей до самого дня смерти.

Если только...

Его взгляд снова устремился на тёмный лес за окном.

Даже сама мысль об этом была самоубийством.

Отравление маной с таким слабым существом в теле убьёт его меньше чем за три дня.

Но когда он думал о школьном контракте, о годах мучений, что ждали его впереди...

Что хуже? Умереть, пытаясь изменить свою судьбу, или прожить восемь лет в роли школьного посмешища?

А его родители... Может, он смог бы и их осчастливить.

Рен снова открыл свою зачитанную книгу, его пальцы обводили иллюстрации Драконов.

Считалось, что все существа могут стать Драконами, если

найдут правильный путь культивации.

Согласно книге, Странствующий Король нашёл много информации вместе со своим легендарным лекарством...

И, как оказалось, оно было не единственным.

Но ему нужно было не простое лекарство. То, что он искал, предположительно, находилось в самом сердце территории Драконов, где мана текла так плотно, что её можно было увидеть в воздухе.

Глава 5: Укрощение решения (5-е изд.)

Рен продолжал читать...

Странствующий Король путешествовал месяцами, пересекая земли каждого Повелителя Драконов.

Красный Дракон, чья чешуя пылала, словно пустынное солнце, правил всеми огненными зверями и большинством рептилий. Под его властью даже крошечные ящерицы могли дышать пламенем.

Синий Дракон царствовал в океанских глубинах со своими величественными плавниками и сверкающими рогами, и каждое морское создание присягало ему на верность.

Зелёный Дракон, покрытый плотным слоем растительности, был повелителем глухих лесов, где каждый зверь и каждое растение плясали под его дудку.

В вечных небесах Белый Дракон повелевал всеми летающими существами, в то время как Чёрный Дракон правил зверями ночи и тени.

В книге была особенно детальная иллюстрация Членистого Дракона, чьи владения были полны гигантских насекомых и существ с экзоскелетами.

Каждая эволюционная линия, каждый цвет яйца был представлен своим драконом. Учёные отрицали связь между

драконами и цветами яиц из-за вариаций, отклоняющихся от логических ветвей в результатах кладки.

Но для ребёнка это знание не имело значения.

Рен остановился на странице, которая всегда его интриговала: Дракон Разложения, повелитель грибов, спор и всех существ, питающихся разложением.

Драконы...

Царствующие наверху, питающие и создающие всех существ своих эволюционных линий.

– По крайней мере, драконы уважают своих подданных, – горько пробормотал он, глядя на свою жалкую спору. – В отличие от людей.

Но драконы и их территории находились далеко от людского города, и на то была веская причина.

Предположительно, люди решили поселиться в этой местности именно потому, что маны здесь было так мало, что великие звери находили её отталкивающей. Она их не интересовала.

Для людей...

Это было их единственной защитой.

Лишь слабейшие существа, изгнанные и отвергнутые более сильными, рыскали у города. На равнинах.

Но для них добраться до равнин было большой редкостью, они должны были быть ранены, при смерти, чтобы осмелиться покинуть лес.

Без маны их настигал голод, и в конечном итоге они уми-

рали от истощения.

Маны здесь, на человеческой территории, было далеко не достаточно.

И всё же они были смертельно опасны, обезумевшие от голода, который вызывала в них нехватка маны. Прожорливые чудовища в поисках очередной добычи, нападающие на всё, что движется.

Рен содрогнулся, вспоминая рассказы отца об окраинах леса.

О том, какой у зверей там был пустой, отчаянный взгляд. Как они не обращали внимания на собственные раны, ведомые лишь голодом и нехваткой маны. Даже нехищные существа становились агрессивными, нападая на любой источник маны, который могли найти.

Но это были лишь окраины.

На Территориях Драконов...

Мана станет злейшим врагом Рена. Со зверем такого уровня он едва ли смог бы войти в первую зону Железного Кольца, где обитают звери самого низкого Ранга. К счастью, руины, которые нашёл его отец, находились в самом начале Бронзового Кольца... И он мог войти через середину Железного Кольца.

«Наверное, даже я смогу повернуть что-то подобное?»

Конечно, он хотел отправиться на территорию драконов и найти чудо, например, получить двух зверей.

Однако он согласился бы и на лекарство, которое могло

бы изгнать спору из его тела, или на что-то в этом роде. Так он смог бы снова попытаться счастья с дешёвым серым яйцом.

Что-то подобное могло быть рядом с лекарством, которое излечило его мать.

Территория Драконов или даже Серебряное Кольцо не рассматривались. Это было слишком далеко, и если бы он зашёл слишком глубоко и остался там надолго...

«Мана быстро поглотит тебя и...»

С колотящимся сердцем Рен захлопнул книгу.

«Неужели я и вправду пойду в тот лес?»

Даже думать об этом было безумием. С его бесполезной спорой мана, возможно, и не стала бы проблемой, поскольку он, вероятно, не пережил бы даже первой встречи со зверем.

Но когда он слушал приглушённые рыдания родителей за стеной...

Какой у него был другой выбор?

◇ ◇ ◇ ◇

Когда наступила ночь...

Решимость пробудила в Рене нечто большее, чем храбрость... его желудок заурчал.

Теперь, когда у него появилась ясная цель, аромат рагу из сладкого корня, всё ещё витавший в воздухе, стал соблазнительнее, чем когда-либо.

Он выскользнул из своей комнаты, словно тень, а спора безмолвно плыла за ним. Половицы предательски скрипели у него под ногами, но годы тайных вылазок за полуночными

закусками научили его, куда ступать.

На кухне пир, приготовленный его родителями, остался нетронутым. Рен завернул в чистые тряпицы большие порции хлеба с рагу, а также упаковал несколько диких ягод.

Его отец всегда говорил, что ягоды помогают сохранять ясность ума, когда наваливается усталость.

Из шкафчика с инструментами он взял самый маленький кухонный нож отца, тот, что использовался для тонкой работы, и поношенную флягу. Верёвку и самую драгоценную карту отца. Он на мгновение замешкался, прежде чем взять ещё и огниво для розжига костров.

Немного, но этого должно было хватить.

Шум в коридоре заставил его сердце замереть. Шаги.

Он прокрался обратно в свою комнату и залез в постель как раз в тот момент, когда открылась дверь.

– Рен? – мягкий голос его матери. – Милый...

Рен нырнул под одеяло, благодарный темноте, скрывавшей собранную сумку под его кроватью. Спора опустилась на его подушку, и её слабое серое свечение идеально скрыло суматошный миг.

– Мне так жаль, любовь моя, – прошептала его мать, садясь на край кровати.

Её рука, огрубевшая от многолетней работы, но всегда нежная, погладила его по волосам. – Если бы мы только могли достать тебе яйцо получше...

– Это не твоя вина, мама, и не папина, – ответил Рен, и

впервые за много часов он не подделывал эмоции в своём голосе. – Это... это просто не повезло.

– Хочешь немного рагу? Оно ещё тёплое...

– Завтра, – пообещал Рен, ненавидя эту ложь, но зная, что она необходима для его миссии. – Спасибо, что приготовила.

Она наклонилась, поцеловала его в лоб, и знакомый аромат специй и любви почти сломил его решимость. Почти.

– Я люблю тебя, малыш.

– Я тоже тебя люблю, мам.

Дверь тихо закрылась.

Рен ждал, считая удары своего сердца, пока шаги не удалились и дом не погрузился в тишину.

Как он часто делал во время своих дневных побегов с друзьями, он привязал верёвку. Окно его спальни выходило в задний сад, высота была всего пара метров. Спора молча наблюдала, как он привязывал верёвку к столбику кровати.

– Если собираешься следовать за мной в этом путешествии, – прошептал он своему спутнику, закидывая рюкзак на плечо, – то лучше хотя бы не путайся под ногами.

Ночь была ясной, освещённая почти дюжиной лун. Из своего окна он видел тёмный лес за чертой города. Где-то там таилась его единственная надежда на другое будущее.

Он взял верёвку дрожащими руками.

Прости, мама. Прости, папа.

И он начал спускаться.

Глава 6: Укрощение первого путешествия (5-я Э)

Рен мягко приземлился в саду за домом, где из зрелых растений Железного Ранга его родители разбили огород с травами и овощами.

Хотя сад больше и не принадлежал им, они всё ещё могли использовать его, чтобы оплачивать часть аренды за дом и покрывать расходы на самое необходимое для семьи.

За деревянным забором сада, всего в нескольких метрах, местность начинала идти под уклон. Вид на бескрайние равнины был почти полностью скрыт тьмой...

Здесь не было стен, которые пришлось бы перелезать, или стражи, которой стоило бы избегать. Их дом был одним из последних строений, за которым «цивилизованный» мир растворялся в ничейных землях.

Лишь некоторые плантации осмеливались выходить за пределы общей зоны культивации – те, у кого было достаточно денег, чтобы платить за охрану. Но для него они не были проблемой... Они не станут переживать, если ещё один непослушный ребёнок пропадёт без вести.

Их дом стоял так близко к внешней зоне бездны, что немногие хотели вкладываться в земли, которые могли быть захвачены ордами проклятых монстров, если армия ко-

гда-нибудь дрогнет.

Находиться на передовой было страшно.

Но Рен не понимал, почему все были такими трусами. За его десять лет жизни и, по словам родителей, за тридцать лет до этого орды ни разу не одолели армию... Наивное, но отважное восприятие, свойственное этому прирождённому ребёнку-исследователю в довольно жутком мире.

Огромное пустое пространство.

По его мнению, эти равнины идеально подходили для культивации без кристаллов. Впрочем, его семью, больше не владевшую собственным домом, это уже не касалось.

Он вытащил потрёпанную карту отца и провёл пальцами по линиям и пометкам, которые уже знал наизусть.

Сколько раз он слышал эту историю: его отец в отчаянии пытался найти лекарство от отравления маной, но не мог достать его на рынке из-за дефицита в том году.

Как и многим другим, ему пришлось отправиться во владения монстров. В тот год многие отцы не вернулись, и его отец едва не разделил их печальную участь.

Вынужденная вылазка, которая чуть не стоила ему жизни.

«И как раз когда я подумал, что мне конец, – всегда говорил на этом моменте его отец, – я нашёл его. Тайный вход, словно сама земля раскололась, чтобы спасти меня...»

«...Я думал, что упал в нору Ночного Раскопщика... Но это был древний туннель, вероятно, из эры до распространения маны».

Карта показывала путь с одержимой дотошностью: каждая отметка, каждый поворот, каждый ориентир были тщательно нанесены.

Отец никогда не удосужился объяснить, почему он так дотошно задокументировал маршрут, которым поклялся больше никогда не пользоваться, но Рен подозревал, что какая-то часть его отца всегда знала, что однажды он понадобится. Он понимал его... ведь он всегда был таким же любопытным и жаждущим приключений, как и его отец.

Час спустя Рен наконец стоял на опушке леса. На безмальной границе, а не на той, что богата маной.

Ему повезло, что до сих пор он не встретил ни одного изгнанного и голодного существа.

Казалось, полоса дневных неудач наконец-то закончилась... Рен взглянул на свою спору.

Спора плыла рядом с ним, её слабое сияние контрастировало с тёмным лесом. Здесь, у входа, было на удивление мирно.

Здоровые монстры никогда не заходили так близко к зоне пустоты маны... и уж тем более не добирались до равнин. Так поступали только орды, и то в определённые дни. Создания Пустоты следовали подземными маршрутами, которые люди научились предсказывать и атаковать, чтобы сдерживать их и не позволять им покинуть бездну.

Здесь таких проблем не было. Пока что.

«В теории, – прошептал Рен, скорее чтобы подбодрить се-

бя, чем чтобы сообщить что-то своему молчаливому спутнику, – мы должны быть в безопасности, пока не доберёмся до глубин леса Железного Кольца. Монстры, даже Железного Ранга, ненавидят эту зону почти так же сильно, как и Драконы».

Рен повторил, чтобы убедить себя.

Он в последний раз развернул карту, запоминая первый этап. Если его отец нашёл тот подземный туннель, если он действительно существовал... это был бы его лучший шанс.

Там монстры его не обнаружат, и он сможет продвинуться намного глубже на опасную территорию, прежде чем придётся столкнуться с настоящими угрозами.

Он в последний раз обернулся, чтобы взглянуть на свой далёкий дом.

Они, вероятно, ещё не спали, беспокоились о нём и строили планы, как сделать его жизнь в ближайшие годы более сносной.

«Простите, – пробормотал он. – Но я не могу смириться с таким будущим. Не попытавшись хотя бы раз его изменить».

И с этой мыслью он сделал первый шаг к лесу. Спора плыла за ним, её слабое серое свечение было едва заметно в свете 12 лун.

Путешествие, которое могло изменить его жизнь, только что началось.

Нажмите здесь: [◆◆◆◆](#) (Визуальная сцена в комментариях автора)

Три километра ещё никогда не казались такими длинными.

Рен держался у самой границы, где земля была ещё достаточно бедна маной, чтобы отпугивать большинство зверей. Всего в шаге от светящихся деревьев.

Эти деревья сигнализировали о первом резком изменении плотности маны.

Большинство зверей избегало этой границы... Но только не Лунные Жабы. Начиная отсюда, они были повсюду.

Отец особенно предостерегал его насчёт этих существ. Размером не больше пятилетнего ребёнка, эти голубовато-зелёные полупрозрачные амфибии были почти невидимы в лунном свете, за исключением их глаз.

Три биолюминесцентных глаза, светившихся гипнотическим сиянием и способных парализовать добычу одним лишь прямым взглядом. Они не были особенно сильны, всего лишь незрелые звери Железного Ранга, но их способ охоты был ужасающ.

Они передвигались небольшими группами, окружая парализованную добычу, прежде чем начать выделять кислоту, которая...

Рен помотал головой. Он не хотел вспоминать эту часть отцовских рассказов.

Или, что ещё хуже, Ночные Раскопщики.

Медлительные, но огромные звери размером с платяной шкаф, которые рыли сложные норы под бедной маной зем-

лэй. Зрелые звери Железного Ранга.

Их длинные руки с огромными когтями на концах могли разорвать человека пополам, и, хотя они были ленивы и в основном вели одиночный образ жизни, их территории были полны естественных ловушек — скрытых ям, ведущих прямо в их пасти.

Оба вида существ полагались на засады или ловушки, чтобы компенсировать скудную ману в их среде обитания.

Несколько часов спустя...

Спора спокойно плыла рядом, пока Рен осторожно прощупывал каждый шаг. Земля здесь была коварной: сеть туннелей Раскопщиков могла в любой момент обрушиться под его весом.

Огромное мёртвое дерево должно быть где-то рядом.

Отец подробно нарисовал его на карте: древний дуб, искривлённый, словно торчащий из земли коготь, отмечал вход в тайный туннель.

Если бы он только смог до него добраться...

Голубоватая вспышка краем глаза привлекла его внимание.

«Неужели это?..»

Нет. Нельзя смотреть прямо. Если это Лунные Жабы, прямой взгляд станет для него концом.

Ещё одна голубая вспышка, на этот раз ближе.

Рен не отрывал взгляда от земли, его сердце всё сильнее и сильнее билось о рёбра. Лунные Жабы всегда охотились

группами от трёх до пяти особей.

Если он увидел одну...

Слева донеслось тихое, мелодичное кваканье. Затем ещё одно – справа. Они его окружали.

«Не смотри им в глаза, не смотри им в глаза», – бормотал он себе под нос, повторяя слова, которые отец врезал ему в память.

Лунные Жабы были медлительными, даже неуклюжими. Если бы он мог сохранять хладнокровие и продолжать двигаться...

Земля под его ногой скрипнула.

Рен замер.

Это был не звук амфибии. Это был безошибочный скрежет земли, проседавшей над туннелем Ночного Раскопщика.

Он оказался в ловушке между двумя смертельными угрозами. Если он отступит, жабы его поймают. Если сделает шаг вперёд – упадёт в логовище Раскопщика. А стоять на месте он не мог, жабы уже...

Голубая вспышка появилась прямо перед ним, всего в двух метрах. Так близко, что он мог разглядеть детали её полупрозрачной кожи, пульсацию внутренних органов, светящихся биолюминесценцией.

Рен зажмурился, но было слишком поздно. На долю секунды он увидел три гипнотических глаза жабы.

Его мышцы начали неметь.

Мелодичное кваканье усилилось, теперь доносясь со всех

сторон. Он слышал приближающееся тихое шлёпанье их лап, влажный звук кожи, выделяющей кислоту...

Глава 7: Укрощение опасности (5-е изд.)

Паралич уже расползался по конечностям Рена, когда спора без всякого предупреждения слилась с его телом.

«Что ты делаешь?!» – в отчаянии хотел закричать Рен. – «Сейчас не время упрямиться, жалкое увеличение силы мне здесь не поможет!»

Свечение грибов в его волосах лишь сильнее привлекло бы хищников, а может, и не только их. Стать более заметной целью в ночи – в его представлении это была самая бесполезная стратегия.

Лунные Жабы подбирались всё ближе.

Он слышал ритмичное шлёпанье их лап, влажный звук выделяемой кожей кислоты. Едкий запах, похожий на гниющие фрукты и раскалённый металл, уже достиг его ноздрей.

Но что-то было не так.

Жаба прямо перед ним – та самая, что его парализовала, – склонила голову набок.

Её три глаза моргнули в беспорядочной последовательности, нарушив гипнотический узор. Кваканье сменилось разрозненными, сбитыми с толку нотами.

Грибы в волосах Рена запульсировали биолюминесценцией, похожей на жабью, создавая узоры, которые имитировали

свечение их внутренних органов. Мерцающие огни на его голове, вопреки всему, стали искажённой интерпретацией его хищников.

Жаба-вожак прыгнула вперёд, устремив все три глаза на светящиеся грибы. Замешательство нарушило её концентрацию, а вместе с ней – и парализующий навык.

Рен почувствовал, как к нему возвращается контроль над телом, в тот самый миг, когда земля под жабой начала проваливаться.

Всё произошло в одно мгновение.

Жаба, дезориентированная светом гриба, не заметила, что приземлилась на ловушку-яму у туннеля Ночного Раскопщика.

Земля под её весом осыпалась со зловещим хрустом. Яркие глаза жабы расширились от удивления, когда она начала падать, а её прежде мелодичное кваканье превратилось в панический визг.

Из темноты туннеля донёсся низкий рёв, а за ним – безошибочный звук захлопнувшихся челюстей.

Остальные Лунные Жабы замерли, их биолюминесцентные узоры от страха стали беспорядочными. Запах кислоты усилился – произвольная защитная реакция.

Рен не стал раздумывать.

Его ноги, освободившись от паралича, повиновались инстинкту.

Прыжок вправо, подальше от края туннеля, прежде неви-

димого, но теперь различного благодаря свежему обвалу.
– Туннели! – выдохнул он на бегу. – У них есть закономерность!

Ночные Раскопщики были методичны и территориальны. Их туннели всегда строились по одному и тому же плану: главный вход, а вокруг него полукругом – ловушки.

Если жаба угодила в одну из них...

Ещё один хруст слева подтвердил его теорию. Две оставшиеся жабы в погоне за ним прыгнули прямо на другой непрочный участок.

Земля под ними разверзлась, словно голодный рот.

Снова рёв из глубин. Снова резко оборвавшиеся визги.

Последняя Лунная Жаба, оказавшаяся, возможно, мудрее своих сородичей, с испуганным кваканьем исчезла в ночи.

Рен остановился, тяжело дыша. Его сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Грибы в его волосах всё ещё «слабо» пульсировали, но теперь казалось, что эти 0,01 % были не так уж и плохи...

Уже не такое уж и проклятие.

– Ты, – прошептал он споре, всё ещё слитый с ней, – по-прежнему самый слабый зверь из всех. Но... спасибо. Наверное.

Отдалённый хруст напомнил ему, что сейчас не время праздновать. Где-то под ногами Ночной Раскопщик только что насладился неожиданным ужином из Лунных Жаб.

И Рен не хотел становиться десертом.

Мёртвое дерево. Он должен найти мёртвое дерево, пока...

Низкий рёв заставил землю под его ногами задрожать.

«Это всего лишь Раскопщик, – успокаивал он себя, – они не вылезут наружу...»

Но шум привлёк кое-кого ещё.

Новый звук заставил кровь застыть в жилах Рена – металлическое шипение, будто лезвия скребли по камню.

Подземный рёв стих, словно пытаясь остаться незамеченным.

Новый звук доносился из глубины леса, со стороны Бронзового Кольца, где тьма была гуще всего.

Рен спрятался за деревом.

Из-за деревьев показался Зеркальный Богомол, его тело было покрыто отражающими пластинами, которые дробили лунный свет.

Он был огромен, два метра в высоту, но с ним что-то было не так.

Его пластины, которые должны были образовывать идеальный узор, были потрескавшимися и смещёнными. Глубокие шрамы бороздили экзоскелет, а одно из главных лезвий-кос было сломано у самого кончика.

Сердце Рена замерло.

Такого существа не должно было быть в радиусе двадцати километров.

Зеркальные Богомолы были обитателями глубин Бронзо-

вого леса, зверями Бронзового Ранга, которые в обычных условиях никогда бы не приблизились к зоне, столь бедной маной.

Их тела были приспособлены поглощать и отражать плотную магическую энергию своей территории, а с помощью отражающих пластин они дезориентировали добычу иллюзиями света и маны.

Этого, скорее всего, изгнали с его территории, вероятно, после проигранной битвы за неё. Раны ослабили его настолько, что он не мог даже оставаться в своей естественной среде обитания.

А раненый, голодный зверь, вынужденный охотиться в бедных маной землях...

Был в тысячу раз опаснее любого местного хищника.

Богомол повернул к нему свою треугольную голову. Одна из фасеток его глаза, обычно переливавшаяся всеми цветами радуги, теперь была разбита и тускла, а тело – изувечено и истощено голодом.

Пластины на его теле пытались отражать лунный свет, но узор получался беспорядочным, болезненным. Вместо привычных гипнотических иллюзий он создавал лишь отчаянные вспышки.

«Не смотри на меня, не смотри на меня», – мысленно молил Рен, вспоминая простейшие уроки о том, как прятаться от зверей, которые усваивал каждый ребёнок.

Обычно Зеркальные Богомолы охотились, создавая иллю-

зии своей жертвы, сбивая её с толку, пока та не спотыкалась о собственные отражения. Но этот, в своём изголодавшемся состоянии...

Создавал жуткие и дефектные отражения, словно в бешено вращающейся зеркальной комнате.

Случайная вспышка от его искажённого навыка осветила две неудачные точки за деревом, за которым он прятался, и создала маленькое отражение Рена.

Существо двинулось.

Несмотря на раны, его скорость была ужасающей. Лезвия-косы, даже сломанное, со смертоносным свистом рассекали воздух. Никаких игр, никаких иллюзий. Лишь чистый, отчаянный голод.

Рен побежал.

Мёртвое дерево должно быть близко.

Отец упоминал, что его искривлённые корни указывают на север, а кора, отмеченная древней молнией, образует узор, похожий на стрелу...

Позади него металлическое шипение становилось всё ближе.

Зверь не мог долго поддерживать такую скорость в зоне, столь бедной маной, но ему и не нужно было.

Ему нужно было попасть лишь раз.

Лезвие-коса вонзилось в землю рядом с ним, так близко, что он почувствовал, как смещённый воздух резанул по щеке. Разбитые пластины монстра звенели, как сломанные ко-

локольчики, а его дыхание было мучительной какофонией голода и отчаяния.

И тут Рен его увидел...

Мёртвое дерево.

Его искривлённый силуэт вырисовывался на фоне ночного неба.

Но Зеркальный Богомол подбирался всё ближе, и звук его разбитых пластин был погребальным звоном приближающейся смерти.

Дерево было меньше чем в пятидесяти метрах – искривлённый маяк надежды...

Но стоило Рену сделать следующий шаг, как земля ушла у него из-под ног.

Глава 8: Укрощение туннелей (5-е изд.)

Надежда на спасение отвлекла Рена.

На одно ужасное мгновение он завис в темноте, и его желудок ухнул вниз, когда гравитация забрала свою добычу.

Его спина ударилась о крутой склон. Несколько предметов вылетело из его сумки, пока он скользил.

Мальчик завертелся, вцепляясь в землю, но тщетно.

Пока нарастала паника, а его пальцы, сумев вонзиться в землю чуть глубже, лишь незначительно замедляли падение, он увидел это...

Маленький кухонный нож отца и кремьен пронеслись прямо перед ним. Поддавшись чистому инстинкту, Рен схватил нож. Лезвие вонзилось в стену туннеля, наконец замедлив его падение с неведомой ему самому силой.

Земля и камни посыпались на него дождём, ударяя по лицу, попадая в глаза... но наконец он остановился.

Наверху, у края дыры, остановился Зеркальный Богомол. Его сломанные пластины создавали болезненный калейдоскоп из осколков лун.

Существо наклонило свою треугольную голову, оценивая... слегка озадаченное, но в основном голодное.

«Нет, нет, нет...» – Рен зашарил ногой по стене в поисках

опоры.

Нож выскальзывал.

Удача была не на его стороне... Земля осыпалась, и Рен снова сорвался вниз.

Богомол прыгнул следом буквально через несколько секунд.

Его косы блеснули в темноте во время падения. Вся жизнь пронеслась перед глазами Рена – десять коротких лет, которые закончатся во тьме, вдали от родителей, без малейшего шанса...

Оглушительный рёв сотряс туннель.

Представив, как его хватает экскаватор, он снова вонзил нож в стену. В отчаянии он заметил сбоку небольшой туннель.

Параллельный туннель был узким, едва хватало ширины, чтобы Рен мог проползти. Не раздумывая, Рен протиснулся в него.

Но Богомол его настиг.

Однако, как раз в тот момент, когда он уже готов был схватить Рена, заползавшего в туннель...

Стена под богомолем разверзлась, явив чудовищную голову Ночного Раскопщика.

Зверь находился в спячке, накапливая ту малость маны, что была доступна, когда обвал разбудил его.

И теперь он был голоден.

Ослабленный Зеркальный Богомол извернулся в воздухе,

и его косы впились в плоть экскаватора, а не в изначальную добычу. Экскаватор взревел от боли, а затем использовал свои огромные когти, чтобы схватить нападавшего.

Рен застыл от ужаса.

Менее чем в двух метрах от него два кошмарных зверя сошлись в смертельном танце. Сломанные пластины Богомола создавали хаотичные вспышки в темноте, пока Экскаватор пытался утащить свою жертву в глубину.

Он пополз, но туннель оказался слишком коротким. Он вёл в более просторную пещеру с несколькими звериными лазами.

Справа от себя, почти невидимый в темноте, Рен различил проход. Другой туннель, со странно гладкими стенами. Словно рукотворный.

У него не было выбора. Это казалось лучшим вариантом, и... Победитель скоро определится.

Он выполз из маленького туннеля, пока в трёх метрах позади него битва достигала своей кульминации.

Металлический визг Богомола смешался с рёвом Экскаватора. Раздался ужасный хруст, а затем...

Тишина.

Рен отполз от края. Он дышал так громко, что боялся, как бы победивший зверь его не услышал.

«Я жив», – недоверчиво подумал он.

Грибы в его волосах были единственным источником света в абсолютной тьме туннеля, их слабого свечения едва хва-

тало, чтобы разглядеть собственные дрожащие руки.

«Хоть бы победил Экскаватор, хоть бы победил Экскаватор», – бормотал Рен, уползая так быстро, как только мог.

Ночные Экскаваторы были территориальными и медлительными. Если он победил, то не спеша будет пожирать свою добычу, прежде чем подумать о погоне за ним.

Но если победил Богомол...

Победный визг заставил его кровь застыть в жилах. Это был не тот низкий рёв, который он надеялся услышать.

«Нет, нет, нет...»

Грибы в его волосах едва освещали путь, когда перед ним возникла развилка. Правый туннель был неровным, явно работа какого-то зверя. Но левый...

Рен остановился, тяжело дыша.

Стены снова были слишком гладкими, слишком идеальными. В точности как описывал его отец в своих рассказах:

«Словно кто-то расплавил сам камень, сынок. Туннель древних, с тех времён, когда здесь жили люди и придавали форму скале с помощью прекрасной геометрической магии».

Позади него влажный звук разрываемой плоти вызвал тошноту. Богомол кормился. Но одного приёма пищи было достаточно, чтобы он восстановил силы и продолжил охоту.

Рен вошёл в новый древний туннель.

Теперь он был в куда более просторном месте... Грибы в его волосах высветили на стенах знаки – символы, которые

он не мог понять, но которые определённо не были природными.

Это, должно быть, туннель его отца. Казалось, он бесконечно уходит во тьму, пока Рен продвигался всё глубже.

Рен поддерживал быстрый темп, казалось, уже несколько часов, подгоняемый страхом и адреналином.

Теперь его ноги дрожали от напряжения, а дыхание было тяжёлым.

Он остановился, прислонившись к стене туннеля.

Измождённый.

Вспомнив, что отец говорил о ягодах, которые помогают восстановить энергию и обостряют ум...

Он достал горсть из своей сумки и медленно разжевал их.

Пока Рен смаковал ягоды, он понял, что ему не нужны ни дрова, ни кремьень, ни даже попытки зажечь факел. Рен проклинал их с тех пор, как призвал, но теперь...

Они спасли его, дали ему слабый, но сносный свет, и ему даже не нужно было беспокоиться об «огне в пещере», как говорил его отец.

«Хоть на что-то ты годишься», – пробормотал он споре, всё ещё сросшейся с ним. «Пусть даже в качестве лампы».

Теперь, с ясной головой, он начал анализировать своё положение.

Судя по карте отца, он уже должен был найти выход. Он что, не туда свернул? Выбрал не тот туннель?

Он позволил себе опуститься на землю; его ноги были благодарны за отдых. Вода из фляги была тёплой, но никогда не казалась вкуснее.

Переводя дух, он изучал таинственные символы на стенах. Некоторые, казалось, слабо реагировали на свет его грибов, словно узнавали что-то в их тусклом сиянии.

«Полагаю, мне стоит поблагодарить тебя и за ту историю с жабами», – продолжил он, удивляясь тому, что разговаривает с самым слабым существом в мире. «Хотя это была чистая случайность. Ты, наверное, даже не понимала, что дела...»

Далёкое эхо прервало его слова. Безошибочный звук металла о камень, а за ним – тот леденящий кровь голодный визг.

Богомол закончил трапезу.

И на этот раз не будет никаких Экскаваторов, чтобы его отвлечь.

На этот раз он будет один.

И теперь он шёл за ним.

Глава 9: Укрощение Богомола (5-й Е)

«Нет, нет, нет...» – Рен вскочил, когда металлическое шипение эхом разнеслось вдали, но уже ближе.

Грибы в его волосах запульсировали странным желтоватым свечением, но у него едва хватило времени, чтобы задуматься почему.

Туннель простирался перед ним, словно чёрная глотка.

Не было ни боковых выходов, ни мест, где можно было бы спрятаться. Лишь гладкий, древний камень и эти таинственные символы...

Те самые символы, что, казалось, светились всё ярче под более ярким, желтеющим светом его грибов.

«Давай, давай», – подгонял себя Рен.

Снова шипение, ближе.

Плоть Экскаватора дала ему новых сил. Богомол ускорился.

Рен побежал.

Его ноги гулко ударялись о древний пол, пока он спускался вглубь туннеля. Воздух становился холоднее и плотнее. Его собственное дыхание отдавалось эхом в ушах, смешиваясь со всё более близким звуком скрежета кос о камень.

Скриииж. Скриииж. Скриииж.

Богомолу даже не нужно было бежать. Его размеренного, неумолимого шага было достаточно. Он знал, что рано или поздно, как и любая другая нора, туннель закончится.

Рано или поздно у Рена не останется места для бегства.

Вспышка света, отразившись от тела богомола, осветила туннель позади него.

Зверь подобрался так близко, что свет грибов выхватывал из тьмы болезненный блеск неровного узора его сломанных пластин.

Не имело значения, что он был ранен.

Не имело значения, что его изгнали с его территории. Он по-прежнему был существом Бронзового Ранга, а Рен... он был всего лишь ребёнком с самым слабым зверем в мире.

Туннель начал сужаться.

Жёлтый свет отбрасывал на стены причудливые тени, и оттого древние символы, казалось, плясали.

Скриииж. Скриииж. Большое, стройное тело богомола с трудом протискивалось вперёд, всё сильнее скребя о стены туннеля... СКРИИИЖ.

Ближе. Всё ближе.

Рен споткнулся и ударился коленом о камень. Ногу пронзила острая боль, но ужас заставлял его двигаться. Он поднялся и побежал дальше, хромая, почти ползком пробираясь вперёд.

Богомол зашипел, и звук был уже так близко, что Рен почувствовал вибрацию в собственных костях. Его сломанные

пластины создавали на стенах туннеля кошмарное зрелище, отражая жёлтый свет грибов фрактальными узорами.

А затем туннель закончился.

Перед ним выросла гладкая, сплошная стена, покрытая древними символами, которые, казалось, насмехались над его судьбой.

Выхода нет.

Металлическое шипение прекратилось.

В наступившей короткой тишине оно замешкалось, не уверенное, сможет ли протиснуться в тесное пространство... Но неутолимый голод по мане заставил его начать вгрызаться и проталкиваться вперёд.

Рен слышал, как косы скребут по камню: богомол медленно приближался, словно смакуя момент.

Ему больше не нужно было бежать. Больше не нужно было торопиться.

Его добыча была загнана в угол, оставалось всего несколько метров...

Жёлтый свет грибов усилился, словно в ответ на ужас Рена. Почти в то же мгновение символы на стене тоже начали светиться тем же оттенком, отслаиваясь маленькими облачками и создавая узоры, которые напомнили ему о...

«Споры?»

Зеркальный Богомол замер.

В фасетках его глаз отражался жёлтый свет. Существо подняло косы, готовясь нанести удар.

Но что-то было не так. Зверь растерянно склонил свою треугольную голову. Его сломанные пластины зазвенели в новом ритме – более хаотичном, более... испуганном?

Воздух стал плотным, тяжёлым от запаха, которого Рен никогда прежде не чувствовал.

Запах сырой земли и ржавого металла, гниющих листьев и чего-то более древнего, более глубинного.

Облачка, отделившиеся от символов на стене, пришли в движение.

Нет, не просто пришли в движение.

Они выслеживали.

«Это никогда не было символами, – прошептал Рен, и ужас осознания ударил его, словно ледяной кулак. – Это были спящие споры».

Богомол попытался отползти, и его металлическое шипение сменилось чем-то, больше похожим на панический визг.

В его пластинах теперь отражались тысячи жёлтых крупиц света, отслаивающихся от стен, потолка и пола – спор, что веками ждали своего часа, пробуждаясь в резонансе с грибами в волосах Рена.

Весь туннель был живым.

И он был голоден.

Древние споры закружились в воздухе золотой бурей, окутывая богомола. Зверь взвизгнул – Рен и представить не мог, что такое грозное существо способно издать подобный звук.

Его сломанные пластины превратились в кошмарное зре-

лице, когда споры забились в каждую трещину, каждую щель его экзоскелета.

Рен вжался в наклонную заднюю стену, а его сердце кололось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Богомол корчился, его косы бесполезно рассекали воздух, пока золотое облако поглощало его. Металлический визг затих, сменившись влажным, глухим, ужасающим хрипом.

А затем – тишина.

Там, где только что стоял могучий Бронзовый зверь, теперь осталась лишь груда сломанных пластин, покрытая желтоватой плесенью.

Споры повернулись к Рену.

Золотое облако взметнулось, словно волна древнего голода.

Грибы в его волосах отчаянно запульсировали, но на этот раз в их свечении не было ни замешательства, ни спасения.

Предвечные споры не были обычными хищниками, они были пережитками забытой эпохи, и всё живое было для них добычей.

Первое касание – словно ледяной огонь на коже.

Желтоватые грибы прорастали на его руках, ногах, шее, и каждый пульсировал в болезненном ритме, высасывая его силы. Боль была неопишуемой, словно каждую пору его тела пожирали изнутри.

«Нет... прошу...» – выдохнул он, падая на колени.

Но тут он увидел: там, где споры отделились от потолка,

пробивался луч света, подобный обещанию спасения.

Выход, в который едва мог бы протиснуться ребёнок.

Рен поднялся на ноги, дрожащие от напряжения. Агрессивные грибы продолжали расползаться по его телу, но что-то было иначе.

Там, где богомол пал за считанные секунды, Рен всё ещё оставался в сознании. Его собственная спора, «самый слабый зверь в мире», пульсировала своим светом, словно... боролась.

Каждое усилие было агонией.

Он подтянулся вверх, пальцы нащупали край отверстия как раз в тот миг, когда колени готовы были подогнуться. Свет на мгновение ослепил его, когда он выполз из туннеля.

Это была не поверхность...

Глава 10: Укрощение судьбы (5-я Э)

Рен оказался в небольшой пещере, стены которой были сплошь покрыты люминесцентными кристаллами, заливавшими всё неземным, призрачно-голубым светом.

Но он едва ли мог оценить красоту этого места.

Прародительский грибок продолжал распространяться, и каждый импульс заразы сдирал с него частицы плоти и души.

– Пожалуйста... – прошептал он, и взгляд его затуманился. – Я не хочу здесь умирать... они никогда не...

Его спора отважно сражалась, её собственные грибы создавали барьеры против жёлтой заразы, но она проигрывала.

Рен чувствовал, как угасает его сознание, а тело с каждой секундой становилось всё холоднее.

Но воспоминание о рагу из сладкого корня, которое он обещал съесть, заставило его сделать последнее усилие...

И тогда он увидел его.

В центре пещеры, залитое кристальным светом, стояло растение, которое казалось...

Оно напомнило ему то самое из рассказов отца.

– Растение... – пробормотал он, подползая ближе, пока жёлтый грибок продолжал распространяться. – То, что помогло матери...

Его пальцы коснулись светящегося стебля, и в тот же миг тьма снова начала застилать его взор по краям, на этот раз быстрее.

Дрожащими руками Рен вырвал светящееся растение. Жёлтый грибок продолжал распространяться, но что-то на уровне подсознания подсказывало, что именно оно может его спасти.

«Это растение может...»

Хотя он и не до конца понимал.

Его отец нашёл похожее почти двенадцать лет назад в другом туннеле. «Чудодейственное лекарство», позволившее его матери зачать.

Но это отличалось: если растение его отца было твёрдым и сильным, то это – хрупким и неземным.

Это была «тычинка», а его отец нашёл «пестик».

Когда последние силы иссякли, Рен поднёс растение к губам. На вкус оно было как жидкий свет, как воспоминание о сне.

И тут он это почувствовал.

Глубокий резонанс с чем-то, что уже было в его теле: дремлющая сила и изменённые гены, унаследованные от матери, – отголосок первой половины лекарства, сделавшего возможным само его существование.

Две половины древнего лекарства, разделённые сотнями лет и потайными туннелями, наконец воссоединились в его крови.

Эффект был мгновенным.

Из его кожи хлынул чистый белый свет, настолько интенсивный, что жёлтый грибок съёжился и осыпался пеплом.

Его спора, это якобы бесполезное существо, начала пульсировать в новом ритме, идеально синхронизировавшись с энергией, что теперь текла по его жилам маны.

Со стороны спора казалась всё той же: маленькой и, по-видимому, слабой. Но Рен чувствовал, что внутри неё что-то коренным образом изменилось.

Словно она эволюционировала в совершенно новый вариант, которого ещё никто никогда не видел.

Чего Рен не знал, да и не мог знать, так это того, что он только что завершил древний рецепт – трагически незаконченное лекарство, для которого требовались три особых ингредиента: мужское растение, женское растение и нечто уникальное – носитель, рождённый с генами, изменёнными одной половиной формулы.

Он был недостающим ключом.

Рен потерял сознание. Грибы в его волосах вновь обрели свой обычный цвет, словно ничего и не изменилось. Но в глубинах его существа только что пробудилась дремлющая сила.

Сила, которая изменит всё.

Первым его разбудил голод – ненасытная пустота, заставившая его руки дрожать, когда он доставал из рюкзака хлеб

с рагу.

Он ел жадно, смакуя каждый кусок, словно это была первая еда в его жизни.

Грибы в его волосах сияли намного ярче, чем прежде, отбрасывая тени, что плясали в отсветах кристаллов.

Рен заметил это, но за эту ночь он пережил слишком много ужасов, чтобы беспокоиться о такой мелочи.

Дожёвывая последний кусок хлеба, он начал осознавать, что натворил.

Он был в шаге от смерти, причём неоднократно.

Если бы его поймали Лунные Жабы...

Если бы его нашёл Экскаватор...

Если бы Богомол... если бы Древние Споры...

Родители. Что бы с ними стало, если бы он?..

– Мне нужно вернуться, – пробормотал он, и чувство вины давило сильнее усталости. – Это было безумие. Я...

«Вернись».

Голос поначалу был таким тихим, что он принял его за свой собственный. Но в нём было нечто иное, нечто древнее и мудрое, что отзывалось глубоко в его душе.

И тогда началось.

Словно кто-то открыл шлюзы в его разуме, и в него хлынул поток знаний.

Он увидел свою спору не как то слабое существо, которое все высмеивали, а как нечто с огромным потенциалом. Он с кристальной ясностью понял каждый шаг, необходимый для

её культивации.

Точный способ кормления различными видами грибов. Правильная культивация для укрепления связи. Верная последовательность эволюций. Разветвления на её пути к силе.

Но на этом всё не закончилось.

Зеркальный Богомол – он видел, как формируются его пластины, как он направляет свет и ману, слабые места в его экзоскелете, где всегда появляются трещины.

Его жизненный цикл...

Ночные Раскопщики – то, как они строили свои туннели, схемы, которым они следовали, как они сберегали энергию в голодные времена...

Лунные Жабы – механизм действия их гипнотических глаз, точный состав их кислоты, брачные ритуалы, определявшие их охотничьи повадки...

Экология и биология существ, с которыми он столкнулся, теперь были ему ясны.

Он словно мог видеть невидимые нити, связывающие всех существ, понимать их сокровенную природу, их сильные и слабые стороны, их тайны.

– Что... что это такое? – прошептал он, ошеломлённый лавиной информации.

Грибы в его волосах мягко пульсировали, и впервые с тех пор, как он получил свою спору, Рен почувствовал, что видит путь перед собой.

И не только свой.

Пути всех существ.

Глава 11: Укрощение пути домой (5-й Э)

Информация в сознании Рена была ясной, но ограниченной, словно карта, на которой отмечено лишь начало куда более долгого пути.

Он совершенно отчётливо видел первые шаги культивации своей споры: какие именно виды грибов требуются, точные условия для их роста, укрепляющие ритуалы.

И в этом туннеле было нечто, что он мог использовать для завершающего этапа своей культивации до ранга Бронза 1.

«Плодовое тело должно быть готово... тела богомола должно было хватить на одно».

Но остальные необходимые части? Ничего из этого не было и близко.

«Первые грибы, которые мне нужны, не Железного, а Бронзового Ранга... – пробормотал он, осмысливая новые знания, – и растут они в болотистых зонах к северу от Йино, города-соперника. Не в этом лесу».

Это осознание поразило его, вызвав одновременно и разочарование, и облегчение.

Однако на грани этого нового знания таилось нечто ещё – обещание.

Когда его спора достигнет Бронзового ранга, откроется

возможность, от которой его сердце забилося чаще.

Второй контракт. Второй зверь.

Всё остальное было расплывчатым, словно смотришь сквозь мутную воду.

Но уверенность была: каждая эволюция его споры будет не только усиливать её, но и расширять его понимание зверей и их путей.

Впрочем, это была задача на будущее.

«Я должен вернуться», – сказал он вслух, на этот раз с решимостью, а не со страхом или сожалением. – «Мне нужно много материалов, чтобы начать культивацию».

Грибы в его волосах мягко запульсировали, словно кивая.

Пора было возвращаться домой.

Родители будут умирать от беспокойства, если он вернётся слишком поздно, а теперь... теперь у него был настоящий план. Не отчаянные поиски, а ясный путь.

Хотя сначала ему предстояло найти выход из этой пещеры.

Плотность маны в этой пещере была безумной; Рен отравился бы, если бы не выбрался отсюда в ближайшее время.

Как в месте, расположенном в Железном Кольце, могло быть столько маны, оставалось для него загадкой даже с его расширившимися знаниями.

Он взглянул на кристаллические образования. Огромные, прекрасные и полностью сплавленные воедино. Это была

странная объединённая структура маны, возможно, выкованная... чья-то работа из прошлого.

«Мне ни за что это не сломать», – пробормотал он. – «Может быть, в будущем...»

Чем больше кристаллы, тем они экспоненциально твёрже. Даже существо Бронзового Ранга, такое как богомол, не смогло бы их и поцарапать.

Рен осмотрел туннель, через который он пришёл, и решил отступить.

Древние Споры всё ещё были там, танцуя в темноте в своём золотом сиянии.

Но теперь он видел их иначе, с большой ясностью понимая их природу.

«Они не агрессивны по своей природе, – пробормотал он. – Они нападают, потому что голодны после веков спячки, но их истинный способ поиска добычи – это...»

Он остановился. В его голове зародилась идея.

Древние Споры, как и все грибы, следовали основным моделям поведения. Да, они искали питательные вещества, но, что более важно, они реагировали на определённые биохимические сигналы.

Рен набрал немного грязи.

«И если я смешаю это с...»

Там, где упали Древние Споры, образовалась желтоватая плесень. Рен закрыл глаза, концентрируясь, анализируя её состав...

Грибы в его волосах запульсировали, выпуская серые споры, которые смешивались с его потом.

Он размазал получившуюся смесь из грязи по своей покрытой спорами коже.

Мерзко... но теперь споры его зверя подавали сигналы, которые сообщали колонии Древних Спор, что он один из них.

«Теперь они должны принять меня за другую грибную колонию, – пробормотал он. – Это должно удержать их на достаточном расстоянии, чтобы...»

Он проскользнул обратно в туннель. Золотые споры кружились вокруг него, но не нападали. Для них он теперь был лишь ещё одним грибным организмом того же вида, а не добычей.

«Работает», – ошеломлённо прошептал он. – «Действительно работает».

Рен опустился на колени рядом с останками Зеркального Богомола. Под сломанными пластинами и желтоватой плесенью он увидел то, что искал: золотой гриб и кристаллическое ядро – структуру зверей, которая служила их центром силы.

Это была сфера диаметром в пятнадцать сантиметров. Теперь, после смерти своего владельца, она была лишена маны.

«Ядра зверей, – прошептал он, и знание раскрывалось в его сознании, – подобны прото-яйцам. Они содержат схему строения тела существа, информацию, его узоры маны, его сущность... И есть способ их „оживить“».

Он взял несколько несломанных пластин богомола, которые мог унести в рюкзаке, а также ядро и золотой гриб, что образовался из Древних Спор, поглощавших богомола.

Осторожно продвигаясь по туннелю, Рен не мог сдерживать улыбки.

Всего несколько часов назад он был убеждён, что его спора бесполезна. Теперь же этот самый «слабейший монстр» дал ему знание, чтобы выжить там, где погиб зверь Бронзового Ранга.

А ядро в его руках... любой другой счёл бы его лишь бесполезным трофеем. Но Рен видел его истинную ценность: возможность заполучить Зеркального Богомола.

Существо, которое однажды может ему понадобится.

Туннель с Древними Спорами в итоге оказался самым лёгким участком обратного пути.

Рен выбрался наружу, покрытый грязью и смесью из серых и нескольких блуждающих золотых спор, но живой и с ценным сокровищем в рюкзаке.

Он осторожно счистил с себя грязь и золотые споры.

Теперь, глядя на обратный путь, всё выглядело иначе. Там, где раньше были ужас и неуверенность, теперь было понимание.

Туннели Ночных Раскопщиков не были случайным лабиринтом, как он думал...

«Они всегда копают по спирали, – пробормотал он про

себя, распознавая узоры на потолке логова. – И помечают свои активные территории более глубокими царапинами на восточных стенах».

Благодаря этому он мог избегать зон, где могли быть активны другие раскопщики, и одновременно искать менее крутую яму-ловушку, чтобы выбраться через неё.

Выйдя на территорию Лунных Жаб, он остановился, чтобы прислушаться. Издалека доносилось мелодичное кваканье, но теперь он понимал его значение.

«Три восходящих тона – они охотятся. Четыре нисходящих означали бы спаривание», – прошептал он. – «И они всегда оставляют одну жабу охранять пути отхода, пока остальные преследуют добычу».

Он терпеливо ждал, пока узор кваканья не изменился, указывая на то, что жабы ушли, преследуя след какой-то добычи.

Только тогда он двинулся с места, придерживаясь участков, где земля была утрамбованной и сухой.

«Лунные Жабы ненавидят твёрдую, сухую землю, – знание теперь текло естественно. – Их лапы предназначены для мягкой почвы, в которую они могут быстро зарыться. На твёрдой земле их тела теряют влагу».

Даже естественные зоны-ловушки теперь были очевидны.

Раскопщики всегда оставляли небольшие знаки: странно расположенные камни, узоры эрозии почвы, впадины от давления.

Для нетренированного глаза они выглядели бы как совпадения, но для Рена теперь они были словно предупреждающие знаки, светящиеся в ночи.

Грибы в его волосах, всё ещё сияющие более интенсивным желтоватым оттенком, освещали ему путь, пока он продвигался вперёд с обрётённой уверенностью. Они постоянно воспроизводили узор глаз жаб; Рен больше не боялся попасть в ловушку их света – теперь они даже служили ему маскировкой.

Каждый шаг был просчитан, каждое решение основано на знании, о существовании которого всего несколько часов назад он и не подозревал.

«Словно я всю жизнь был слеп», – подумал он, искусно обходя зону с явными признаками активности жаб.

«А теперь я наконец-то прозрел».

Ночь, начавшаяся как отчаянная борьба за выживание, превратилась в практический урок об истинной природе зверей. Его мнимое «проклятие», слабейшая спора, оказалась ключом к пониманию всех этих тайн.

Наконец перед ним показался край магического леса, и последние «магические деревья», светящиеся от того, что на самом деле было жабьей мочой, выделялись на фоне ночного неба.

Рен на мгновение остановился, неосознанно коснувшись Ядра богомола в своей сумке. Он отправился на поиски второго зверя, чуда, что изменит его судьбу.

То, что он нашёл, было чем-то гораздо более ценным...
Пониманием.

Глава 12: Укрощение благодарности (5-е изд.)

Опушка немагического леса была уже близко.

Рен видел первые дома на городской черте, на окраинах, примерно в пяти километрах впереди; их маленькие огоньки плясали во тьме.

Скоро ему придётся столкнуться с последствиями своих действий.

Он на мгновение остановился, поправляя рюкзак со своими с трудом добытыми сокровищами.

Как он мог всё это объяснить?

Грязь, золотой гриб, пластины, ядро? Может, ему удастся проскользнуть через окно и...

Движение во тьме заставило его замереть.

На мгновение он подумал, что это лягушки, изгнанные со своей территории. Опасные, ведь, будучи голодными и лишёнными маны, они вели бы себя не так, как обычно. Он не раздумывал и секунды, как огоньки на его голове погасли.

Но...

У самой опушки леса двигались два силуэта, один из них нёс тусклую лампу. Даже на таком расстоянии он узнал их походку – это были не монстры, а его родители.

Отец Рена шёл впереди с мотыгой в одной руке. Его взрос-

лое растение прорастало из плеч, покрывая его ставшие «больше» руки и образуя шипы вокруг импровизированного оружия.

Мать следовала за ним, её собственные лозы спускались из волос на землю, защищая их периметр.

Конечно, это, очевидно, выдало бы его след и точно указало, куда он ушёл...

Карта.

Как только они поняли, что Рена нет в комнате...

Отец наверняка сразу заметил отсутствие карты.

Сколько раз он видел, как Рен изучает её, расспрашивая о деталях того отчаянного приключения в поисках лекарства?

Было очевидно, где ребёнок, только что получивший слабейшую спору, будет искать надежду.

Рен наблюдал, как они движутся во тьме.

Несмотря на своих зверей Железного Ранга, они двигались с поразительной координацией, отточенной десятилетиями совместной жизни и слаженной работы.

Он уже видел их такими – на кухне.

Но теперь его новые знания позволяли ему видеть глубже.

Как растения его родителей использовали их тела в качестве опоры, особым образом вытягиваясь для обнаружения движения, и как их лозы создавали точные защитные узоры с окружающими корнями.

Даже имея лишь неразвитые саженцы, они разработали эффективные техники.

Рен устал, был покрыт грязью и серыми спорами, но жив. И теперь ему предстояло встретиться с грядущим.

С последствиями.

Он собрался с духом и сделал шаг к свету.

Всего один...

Нервозность ударила по нему, и желтоватое свечение грибов вспыхнуло, выдавая его.

– Вон там! – прошептал его отец. – Лягушка так близко к лугам, она могла напасть на Рена!

Лозы метнулись с удивительной скоростью, и Рен почувствовал знакомую хватку растений матери, обвинившихся во-круг него. На мгновение он подумал, не объяснить ли, что у зрелых лоз Железного Ранга есть модель роста, которая...

– РЕН!

Крик матери прервал его мысли. Лозы тут же ослабли.

Рен приготовился к худшему. Теперь он знал биологию десятков зверей, понимал сложнейшие поведенческие модели, но понятия не имел, как справиться с тем, что его ждало.

Наказание будет суровым, он это знал.

Он украл драгоценную карту отца, сбежал посреди ночи, он...

Мать подбежала к нему первой и практически сбила его с ног силой своих объятий. Отец подоспел секундой позже, заключая их обоих в свои руки.

Они...

«Плачут?»

– Моё дитя, – рыдала его мать, сжимая его так крепко, что он едва мог дышать. – Мой малыш...

– Мы думали... – не смог закончить отец, его голос сорвался.

Рен стоял, оцепенев, и ждал.

В любой момент могли начаться крики, ругань, наказание, которое он заслужил за своё безрассудство.

Он знал, что заслужил это.

Он действовал не подумав, он...

– Мне так жаль, – прошептала мать сквозь слёзы.

– Если бы мы решили купить тебе яйцо получше вместо лучшей школы, даже если бы ты не смог его как следует развить...

– Мы не должны были так рисковать твоим будущим, – добавил отец дрожащим голосом. – Не должны были с такой уверенностью верить, что ты получишь такие же растения, как у нас. Когда я заболел, мы должны были...

Рен моргнул в замешательстве. «Они винят себя?»

Он мог бы просто принять это, но теперь он был другим, его разум стал шире, яснее.

– Но я... – попытался объяснить он. – Это я сбежал. Я украл карту. Я...

Отец обнял его крепче.

– Мы не хотели, но так вышло... Мы слишком сильно на тебя давили, со всеми нашими надеждами. С нашими ожиданиями, с нашими...

– Нет! – Рен отстранился, чтобы посмотреть на них.

«Всё не так, всё неправильно... Теперь я понимаю».

Его рассудок, обострённый новой силой, наконец позволил ему осознать, что они вовсе не злились. Они тонули в беспокойстве.

– Вы всё продали ради меня, даже дом. Так усердно трудились, чтобы устроить меня в лучшую школу, чтобы достать мне яйцо, любое яйцо, а я...

По его щекам покатались слёзы, смешиваясь с грязью и остатками серых спор.

– Я просто хотел... – его голос сорвался, – хотел, чтобы вы гордились...

– Мы всегда гордились, – прошептала мать, нежно вытирая его грязное лицо. – Всегда.

В ту ночь не было криков.

Ни наказаний, ни суровой ругани.

Лишь три человека обнимались под светом уже двенадцати лун, вместе плача, пока грибы в волосах Рена мягко светились.

И впервые с церемонии призыва Рен понял то, чему не могло научить никакое знание о зверях: любовь его родителей была сильнее любого разочарования, глубже любой неудачи.

Она была безусловной.

Путь обратно через луга был тихим, прерываемым лишь

редкими, сдерживаемыми всхлипами матери, которая держала его за руку.

Словно боясь, что он исчезнет, если она хоть на миг отпустит.

Дома пир, который они приготовили, чтобы отпраздновать его призыв, всё ещё стоял на столе, но уже остывший.

Мать тут же принялась его разогревать.

– В этом нет нужды, – начал Рен, но она уже была на кухне.

– Ты, должно быть, голоден, – настаивала она, утирая слёзы во время работы. – Ты так долго был на улице, ночью...

К его собственному удивлению, когда аромат разогретого рагу наполнил комнату, его желудок яростно заурчал.

Он ел так, словно не пробовал еды уже несколько дней, и каждый кусок пробуждал в нём ещё больший голод. Его тело, казалось, взывало к энергии, будто трансформация пробудила в нём ненасытный аппетит.

– Мне так жаль, сынок, – нарушил тишину отец, его голос срывался. – Если бы мы не были так бедны, если бы мы усерднее работали, если бы смогли достать тебе яйцо лучше...

– Мы не должны были так давить на тебя своим беспокойством, – добавила мать, накладывая ещё одну тарелку рагу, на которую Рен тут же набросился. – Ты, должно быть, чувствовал себя так...

– Если бы с тобой что-то случилось, – перебил отец, – мы бы... не смогли... горе бы...

– Не дави на него эмоциональным шантажом! – отругала мать отца. – Разве ты не видишь, что он и так настрадался? Так долго один в лесу, прячась от этих лягушек в грязи...

Она подошла к Рену, нежно поглаживая его грязные волосы. – Хочешь горячую ванну, милый?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.